

К ПРОБЛЕМАТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПОБУДИТЕЛЬНОСТИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

А.Ю.Маслова

Саранск, Россия

Summary: This paper is concerned with the different aspects of study of the imperative category in Slavic languages, primarily function and communicative approaches.

Сопоставительный подход к изучению языков позволяет обратить внимание на многие вопросы, которые остаются в тени при внутриязыковом исследовании. Сопоставление в прагматическом аспекте покажет различие прагматических функций и эффектов высказываний одной и той же лексико-грамматической структуры в разных языках. При сопоставлении форм языкового выражения выявляются те, которые способны выполнять одну и ту же прагматическую функцию, производить один и тот же перлокутивный эффект. В целом же сопоставительный подход к исследованию прагматического значения высказывания позволяет уточнить структуру универсальной в коммуникативном отношении категории побудительности в родственных славянских языках (в частности, в русском, сербском и болгарском), смысловые интерпретации побудительных высказываний и соотносительность этих интерпретаций, иерархизацию формальных средств языкового выражения побудительного значения в сопоставляемых языках.

В настоящее время имеется ряд славистических исследований, отражающих тенденцию системного комплексного описания в сопоставительном аспекте. В работах А.И.Изотова [Изотов 1998, 1998а] анализируется категория побудительности в чешском и русском языке. Автор, исследуя чешский фактический материал, отмечает наличие «четко выраженного несоответствия функционально-семантических категорий побуждения в сопоставляемых языках» [Изотов 98: 171]. А.Ю.Масловой исследованы языковые средства выражения побудительности в функциональном аспекте в сербском, хорватском и русском языках [Маслова 1998]. Значительным является исследование способов выражения побудительности в болгарском и русском языках Т.Кировой и И.Васевой [Кирова, Васева 1999], имеющее целью решить проблему языковой асимметрии при переводе. Что касается упомянутых языков южнославянской группы, то установлено: основные различия прежде всего выявляются в ономаσιологическом (по В.Г.Гаку) плане, касательно инвентаря языковых средств выражения побудительного значения и выполняемых ими побудительных функций.

Однако, несмотря на то, что при помощи функциональной методики описания побудительности наработан уже большой материал и в общих чертах установлены границы и структура поля побуждения почти во всех славянских языках, в понимании побудительности остается еще немало

вопросов, не имеющих однозначного решения. Среди исследователей-славистов нет единства в определении центра и периферии поля; разные авторы относят к центру различное количество конструкций, спорным является статус аналитических повелительных форм, состав императивной парадигмы. Следует принять во внимание замечание болгарского лингвиста А.Николовой относительно того, что полевая иерархическая модель имеет важное значение «только для установления конститuentов поля в потенции. Реальное функционирование побудительных конструкций в текстах показывает, что в различных типах текстов центр поля далеко не всегда занимается формами повелительного наклонения. В различных стилях и подстилях центральное положение могут занимать инфинитивные предложения, инклюзив, безглагольные конструкции и др.» [Николова 2000: 53].

Изучение реального функционирования языковых средств в определенной ситуации требует от исследователя выхода за рамки полевой методики инвентаризации и иерархизации единиц языка и обращения к данным теории речевой деятельности, психолингвистики, социолингвистики, прагматики, коммуникативной лингвистики. Наблюдение над стратегией и тактикой говорящего и слушающего в побудительной ситуации и выбором определенной единицы показывает, что этот выбор мотивируется целым набором экстралингвистических факторов. Важное место также занимает выявление и дифференциация конвенциональных и неконвенциональных средств выражения побудительного значения.

Комплексное изучение многообразия условий и способов реализации побудительного значения предполагает поэтапное исследование конкретного акта побуждения. Охарактеризовать конкретные коммуникативные ситуации и реализуемые в них варианты побудительного значения возможно посредством рассмотрения центрального содержательного компонента категории побудительности – плана прескрипции. Вследствие этого категорию побудительности можно представить как сумму категориальных ситуаций (КС) директивного, комиссивного и превентивного характера: все три категориальные ситуации являются типовыми содержательными структурами, основываются на функционально-семантическом поле (ФСП) побуждения и передают один из аспектов рассматриваемой семантической ситуации. Именно в понятии *категориальная ситуация* четко выражена связь системно-языковой основы функциональной грамматики с ее речевыми аспектами [Бондарко 2003].

А.В.Бондарко отмечает, что «для сопоставительного изучения славянских языков, характеризующихся значительной мерой общности в структуре ФСП и КС, особое значение имеет выявление различий в типах употребления грамматических единиц, определение эквивалентности/ неэквивалентности сопоставляемых типов и вариантов функционирования форм и *конструкций* (выделено А.М.) [Бондарко 2003: 37; ср. также Гладров 2001]. Разделяя точку зрения М.Г.Безяевой, особо обратим внимание на термин *конструкция*. Согласно мнению лингвиста, между целеустановкой и конкретным высказыванием (в котором, по А.В.Бондарко, реализуются варианты КС) стоит еще одна единица – *конструкция* как «языковая

единица коммуникативного уровня, ... характеризующегося особой системой средств и значений» [Безяева 2002: 41]. Думается, именно через посредство этой единицы осуществляется не только реализация плана трансляции категории побудительности, имеющего структуру ФСП, но и подчеркивается ее коммуникативная составляющая. Основания так полагать дает то, что каждая из конструкций, по М.Г.Безяевой, обладает 1) особенностью коммуникативного значения, а именно, определенными специфическими параметрами значения, реализуемыми в данной языковой системе и осложняющими общее значение целеустановки; 2) различным типом соотношения дифференциальных средств разных уровней языка; 3) спецификой сфер и регистров общения. Причем (на что особо обращает внимание автор рассматриваемой концепции) конструкции вариативного ряда коммуникативных целеустановок находятся в определенных системных отношениях по всем указанным параметрам [Безяева 2002].

Вариативный ряд конструкций, объединенных общей целеустановкой, организует коммуникативно-семантическую группу (КСГ) в рамках выше обозначенных КС. Системная организация КСГ проходит на уровне интенционального смысла, категориального речеактового устройства и прагматических функций. В коммуникативной грамматике для каждого акта побуждения имеется ряд ассоциируемых с ним выражений. Например, просьба в сербском, болгарском и, соответственно, в русском языках передается речевыми шаблонами типа:

<i>Molim...</i>	<i>Моля...</i>	<i>Пожалуйста...</i>
<i>Možete li...</i>	<i>Не бихте ли могли...</i>	<i>Не могли бы Вы ...</i>
<i>Da li biste mogli...</i>		
<i>Budite ljubazni...</i>	<i>Будете любезен...</i>	<i>Не будете ли Вы так любезны ...</i>
	<i>Будете така добър...</i>	<i>Будьте добры ...</i>
<i>Hoćete li ...</i>	<i>Ако обичате...</i>	
и подобные	и подобные	и подобные

Конвенции употребления в речи подобных выражений являются исходной точкой для толкования, ими нельзя пренебречь, не переступив границы истинности и объективности. Эти свойства речевого акта задают границы интерпретации и направляют ее в определенное русло, заставляя принимать во внимание установки говорящего и иллокутивную функцию, поскольку учету подлежат в первую очередь типизированные способы выражения, типизированные конструкции. В силу частотности и типичности в типичных ситуациях они стали стереотипными и закрепились в языковом сознании говорящих и в их коммуникативной и прагматической компетенции.

КСГ как совокупность коммуникативных стереотипов с одним интенциональным значением с точки зрения смысловой группировки единиц стоит в одном ряду с такими системными объединениями, как лексико-грамматические группы, функционально- семантические поля. Полевая структура позволяет учитывать оттенки интенционального значения пер-

формативного высказывания и фиксировать ряд функциональных эквивалентов КСГ, отвечающих стандарту типизированной, обобщенной ситуации общения. Подобный подход отчасти объясняет отсутствие однозначной интерпретации того или иного варианта побудительного значения и наличие переходных случаев, когда одно и то же высказывание может восприниматься по-разному. В связи с этим считаем возможным интерпретировать варианты побудительного значения как прагматические, реализуемые конструкциями на коммуникативном уровне языка в рамках КСГ.

То, что при семантическом структурировании побуждения речь может идти именно о полевом и никак не дискретном структурировании, подчеркивает А.И.Изотов. Полемизуя с В.С.Храковским и А.П.Володиным по поводу эксплицитно сформулированных ими параметров разграничения смысловых интерпретаций императива [Храковский, Володин 2002], А.И.Изотов определяет подтипы побуждения как «локальные ступени поля с преобладанием тех или иных свойств». Автор подчеркивает, что выделяемые подтипы побуждения – это «своего рода микрополя с ядром (когда данный подтип побуждения однозначно и непротиворечиво выражен определенной конвенционализованной в языке для данного подтипа структурой) и более или менее размытой периферией (когда речь идет о всевозможных транспозиционных процессах и когда корректная интерпретация побуждения предполагает учет не только собственно языковых, но и иных факторов» [Изотов 1998: 181-182].

Таким образом, исследователи вновь сталкиваются с уже известной проблемой выделения оттенков волеизъявления, но решаемой в ином, речеведческом аспекте. На обсуждение выносятся вопросы о дифференциации целеустановок, количестве их типов, дискутируется проблема параметров разведения интенций, при этом основания выделения могут существенно расходиться.

Существует мнение, что вообще неправомерно выделять какие-либо варианты. По Е.И.Шендельс, сема 'побудительность' охватывает широкую шкалу таких оттенков, как приказ, запрет или разрешение, предостережение, призыв, просьба, мольба, угроза, предписание; и «все эти оттенки не представляют собой самостоятельных сем, так как не связаны ни с лексическими, ни с конструктивными условиями употребления» [Шендельс 70]. Подобную точку зрения разделяет А.А.Романов [Романов 1981].

С одной стороны, исследуя условия, в которых происходит общение, С.П.Элиешюте обращает внимание на то, что число побуждений весьма ограничено. По-видимому, предполагает автор статьи, каждому из них соответствует какая-то типичная обусловленность, которая может быть представлена разными конкретными выражениями. Следовательно, каждое побуждение характеризуется специфической типичной обусловленностью, благодаря которой оно становится речевым поступком. Каждое побуждение в этих условиях является оптимальным средством воздействия на побуждаемого [Элиешюте 1968].

С другой стороны, А.В.Бельский отмечает, что «цели общения людей так многообразны, а средства их языкового выражения, созданные веками,

так гибки, что кажется невозможным дать исчерпывающую типологию волевых изъявлений в речи» [Бельский 1953: 89].

По подсчетам В.С.Храковского и А.П.Володина, выделяется в общей сложности около 30 частных значений. Так или иначе, единодушно упоминаются приказ, требование, запрет, просьба, совет, предложение, что объясняется относительно жесткими, устоявшимися лексическими или конструктивными условиями их оформления. Помимо этого часто выделяются рекомендация, наставление, увещевание, напоминание, допущение, предположение, инструкция, команда. Различные интерпретации побудительного значения говорят не только о его сложности и многогранности, но и о бесконечном многообразии сфер его применения. Наблюдение живого общения людей свидетельствуют о сложности создания некой совершенной классификации, как в отношении полноты охвата прагматических вариантов побудительного значения, так и в смысле точности их разграничения.

В исследованиях представлены, как правило, различные классификации интенций¹. На классификации в той или иной мере влияет субъективность восприятия исследователем побудительной ситуации, степень обобщения анализируемого материала. Во многом затрудняет дифференциацию значительный вес экстралингвистических факторов при употреблении императива (или его аналога) и наличие дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков при выражении побудительного значения в высказывании.

Отмечая сложность проведения классификации видов побуждения, обратим внимание на то, что не в любом случае побуждение можно дифференцировать. Об этом свидетельствуют модели микро-диалогов, которые строятся по схеме переспроса – уточнения у говорящего, что он имеет в виду. Это явление интернационально и чаще имеет место, когда адресат должен выбрать тип поведения в зависимости от степени категоричности побуждения:

¹ Многие ученые представляют их как *семантические* интерпретации основного значения императива (И.С.Андреева, А.В.Бельский, М.В.Косилова, А.И.Изотов и др.). Л.А.Бирюлин считает каждый из вариантов *социально* значимой интерпретацией базового императивного значения [Бирюлин 1994]; М.М.Бикель представляет свое исследование как анализ *экспрессивно-стилистических* вариантов побуждения [Бикель 1968]. Лексикологи обычно следуют задаче описания иллокутивных глаголов или именовании иллокутивных интенций, в связи с чем представляют максимальное количество целеустановок. Например, Е.В.Савельева выделяет 12 лексико-семантических групп – наименований побудительных интенций [Савельева 1991]; М.Я.Гловинская анализирует лексемы, именующие речевые акты, и вводит ряд критериев, их различающих [Гловинская 1992, 1993]. Различные критерии для выделения интенций волеизъявления представлены и в работах Е.И.Беляевой [Беляева 1985]; Л.Г.Панина [Панин 1993]; С.А.Сухих [Сухих 1988]; Н.И.Формановской [Формановская 1994] и других авторов.

– *Пожалуйста, вымой за собой посуду. Мне надоело мыть за всеми вами. – Это что – **просьба или приказ?** – Пока что просьба. – Понятно. Ладно, я вымою* (Из разговора).

Поскольку письменная речь лишена интонационной поддержки, о совмещении показателей просьбы и приказа в данном случае можно судить, исходя из инициальной реплики прескриптора. *Пожалуйста* – этикетный индикатор, присущий вежливым формам обращения, а следовательно, смягченному или нейтральному типу побуждения. С другой стороны, мотивирующая реплика содержит определенную степень категоричности, что побуждает адресата уточнить, насколько он свободен в выборе решения – исполнять или не исполнять действие.

– *Хоћу да вас **упозорим** да је мој клијент, господин Петровић, данас један од најмочнијих људи у читавом овом крају. – И? – ...И да има много начина да оствари оно што жели. – Је ли то **претња?** – Не, само **упозорење** (Капор) / – Хочу вас предупредить, что мой клиент, господин Петрович, сегодня один из могущественных людей в этих местах. – И? – И у него много способов добиться того, чего он хочет. – Это угроза? – Нет, только предупреждение* (перевод А.М.).

В данном случае, когда адресат уточняет, угроза это или предупреждение, интонация в силу специфики ситуации не является смысловозначительным компонентом. Тем не менее, понимая, что имплицитно оказывается давление, адресат уточняет скорее не столько из-за выбора линии поведения, сколько из-за стремления закрепить или подчеркнуть свой социальный статус равенства говорящему и фактор свободы в осуществлении последующих действий.

Возможны ситуации, когда в самом интерпретирующем контексте указывается на невозможность определить характер прескрипции:

– *Если можете, то женитесь на Лизавете Николаевне, – подарил вдруг Маврикий Николаевич, и что было всего любопытнее – **никак нельзя было узнать по интонации голоса, что это такое: просьба, рекомендация, уступка или приказание*** (Достоевский – пример Е.А.Филатовой).

– *Вие, разбира се, ще дойдете заедно с госпожа Саввова? – думите му прозвучаха **повече като заповед, отколкото като въпрос*** (Райчевски) / – *Вы, конечно, придете вместе с госпожой Саввовой? – его слова прозвучали скорее как приказ, нежели как вопрос* (перевод А.М.).

Рассматривая случаи, подобные вышеописанным, Е.А.Филатова вводит термин «недифференцированное побуждение» [Филатова 2002], Н.К.Рябцева – «неопределенный текст» [Рябцева 1992], поскольку не только адресат, но и говорящий-адресант может не иметь ясного представления о своих собственных намерениях. Однако побуждение, даже

будучи недифференцированным (намеренно или ненамеренно), для адресата остается побуждением, и для успешного речевого общения говорящему конкретизировать свое намерение не всегда обязательно или целесообразно.

Отметим, что в исследованиях на материале славянских языков проблема наименования побудительных интенций не обсуждается так интенсивно, как в русистике. Исследователи выделяют определенный набор, возможно, полагаясь на интуицию и языковое чутье, и чаще акцентируют внимание на описании языковых средств выражения побудительной семантики и их иерархизации. Более внимательное отношение к этой проблеме представлено в труде А.И.Изотова, занимающегося сопоставлением русского и чешского языков.

Таким образом, взяв за основу результаты прагматических исследований, еще раз подчеркнем необходимость внимательного изучения коммуникативной составляющей языка. Представляется правомерным рассматривать побудительное значение, исходя из действующих конвенций коммуникативной грамматики, которая образует основу взаимопонимания носителей языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Безяева 2002 – *Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.
- Бельский 1953 – *Бельский А.В.* Побудительная речь // Ученые записки 1-го МГПИИЯ. Т. 6. Сб. 4. Экспериментальная фонетика и типология речи. М., 1953.
- Беляева 1985 – *Беляева Е.И.* Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
- Бикель 1968 – *Бикель М.М.* Языковые средства выражения побудительности и их стилистическое значение (на материале немецкого языка). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
- Бирюлин 1994 – *Бирюлин Л.А.* Семантика и прагматика русского императива. Helsinki, 1994.
- Бондарко 2003 – *Бондарко А.В.* Теоретические проблемы функциональной грамматики // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Гладров 2001 – *Гладров В.* Функциональная грамматика и сопоставительная лингвистика // Исследования по языкознанию. СПб., 2001.
- Гловинская 1992 – *Гловинская М.Я.* Русские речевые акты и виды глаголов // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.
- Гловинская 1993 – *Гловинская М.Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно- прагматический аспект. М., 1993.
- Изотов 1998 – *Изотов А.И.* К соотносительности функционально-семантических категорий побуждения в современных чешском и рус-

- ском языках // Сопоставительные исследования грамматики и лексики русского и западнославянских языков. М., 1998.
- Изотов 1998а – *Изотов А.И.* Семантическая карта императивности (на материале чешского и русского языков). М., 1998.
- Кирова, Васева 1999 – *Кирова Т., Васева И.* Изразяване на побудителност в руския и българския език // Годишник на СУ. ФСФ. Езикознание. Т. 88, кн. 1. София, 1999.
- Маслова 1998 – *Маслова А.Ю.* Средства выражения побудительного значения в сербо-хорватском языке в сопоставлении с русским. Автореф. дисс. ... канд.филол. наук. СПб., 1998.
- Николова 2000 – *Николова А.* О проблемах описания категории побудительности в славянских языках // Состояние и перспективы сопоставительных исследований русского и других языков: Тезисы докладов. V Международный симпозиум. Белград – Ниш, 30 мая – 1 июня 2000 г. Београд, 2000.
- Панин 1993 – *Панин Л.Г.* Семантика форм повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки, 1993, № 5-6.
- Романов 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М., 1988.
- Рябцева 1992 – *Рябцева Н.К.* Ментальные перформативы в научном дискурсе // Вопросы языкознания, 1992, № 4.
- Савельева 1991 – *Савельева Е.П.* Номинации речевых интенций в русском языке и их семантико-прагматическое истолкование. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Сухих 1988 – *Сухих С.А.* Категория императивности в речевом общении. Л., 1988.
- Филатова 2002 – *Филатова Е.А.* Побуждение и императив: Способы выражения побуждения по-русски (материалы к спецсеминару). М., 2002.
- Формановская 1994 – *Формановская Н.И.* Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом, 1994, № 5, 8.
- Храковский, Володин 2002 – *Храковский В.С., Володин А.П.* Семантика и типология императива: Русский императив. М., 2002.
- Шендельс 1970 – *Шендельс Е.И.* Многозначность и синонимия в грамматике. М., 1970.
- Элиешюте 1968 – *Элиешюте С.П.* Об условиях, в которых происходит речевое побудительное общение // Ученые записки МГПИИЯ. Т. 44. М., 1968.